

Нищий толкнул Чан Яньдао, но тот остался неподвижен, словно старое дерево, пустившее корни. Двое остальных тоже вскочили и хором рявкнули:

— Ты кто такой?!

На руке того, кто его толкнул, был нефритовый перстень для большого пальца. На грязной руке он выглядел особенно неуместно. В голове Чан Яньдао тут же мелькнула мысль.

— Я тоже хочу сыграть пару раз.

— А деньги-то у тебя есть? — презрительно спросил один из нищих.

Чан Яньдао ничего не ответил. Он неторопливо показал кошель на поясе, положил на ладонь и слегка сжал. Внутри звонко столкнулись кусочки серебра.

— Ой, да к нам сам бог богатства пожаловал! Скорее, освободите место!

Чан Яньдао без лишних слов сел прямо на землю, скрестив ноги, и заодно тряхнул хвостом на затылке.

— Господин, на что играть будем? — один из нищих нетерпеливо потёр ладони и расплылся в улыбке.

Другой ловко протянул ему кости.

Чан Яньдао не стал ходить вокруг да около и просто положил кошель перед собой.

— Если проиграю, весь этот мешок денег ваш. Даже кошель себе не оставляю.

— Ого! Отлично! Вот это щедрость у господина!

— Ха-ха-ха! Вот это размах! По-настоящему богато!

Трое смеялись так, что глаза превратились в щёлочки.

Дождавшись, пока они насмеются, Чан Яньдао неторопливо продолжил:

— А если выиграю, вы расскажете, где в Чанмине живут все люди по имени Ван Ци.

Трое переглянулись. Один притворно вежливо сказал:

— Господин, да вы бы просто спросили. Разве мы не рассказали бы? Ну зачем так церемониться и тратить деньги...

Чан Яньдао мысленно усмехнулся: «Не покажи я серебро, вы бы меня уже выгнали. А теперь изображаете вежливость».

Вслух он лишь легко улыбнулся.

— Тогда я первый.

Он потряс кости и с хлопком бросил их на землю.

Все посмотрели: выпало два.

Трое нищих тут же расхохотались. Один уже потянулся к кошель.

— Не обессудьте, господин.

Чан Яньдао мгновенно прижал кошель ладонью.

— Эй-эй. Вы ещё не бросили.

— Господин, шутить изволите? Нас трое. Даже если совсем не повезёт, неужто хотя бы троечку не выбросим? — самоуверенно сказал нищий.

Чан Яньдао лишь улыбался и молчал. Нищий, пытавшийся забрать кошель, вдруг понял, что рука Чан Яньдао прижимает его с такой силой, что сдвинуть мешок невозможно.

Делать было нечего. Он взял кости, кое-как встряхнул и швырнул их.

Выпало одно очко.

Двое остальных сначала замерли, а затем громко расхохотались. Но когда они сами бросили кости, у каждого тоже выпала единица.

Теперь троим было уже не до смеха. Улыбки застыли на лицах. Они неловко смотрели на Чан Яньдао и не могли вымолвить ни слова.

Чан Яньдао неотрывно смотрел на них.

— Рассказывайте.

Трое замялись. Один осторожно спросил:

— Господин, если мы расскажем... вы ещё будете играть?

Чан Яньдао убрал руку с кошеля и жестом показал продолжать.

Один нищий торопливо заговорил:

— Этот Ван Ци — знаменитый тиран на восемнадцать ли вокруг!

— Точно-точно! — тут же подхватил другой. — Целыми днями женщин лапает, слабых обижает. Меня вот однажды ногой пнул!

Он даже задрал одежду, показывая Чан Яньдао след.

— И каждый день этот тиран обязательно ходит в чайную Дэбао слушать оперу. Не знаю уж, понимает ли его тупая башка хоть слово!

Выслушав, как они наперебой ругают Ван Ци, Чан Яньдао снова взял кости.

— Благодарю, братья. Продолжим?

— Продолжим, продолжим, конечно... — трое поспешно закивали.

— Только ставить вам уже нечего.

Нищие тут же начали шарить по карманам, но вместе наскребли едва больше десятка вэней. По сравнению с целым мешком серебра это было ничто. Никто не согласился бы поставить мешок серебра против такой мелочи.

Нищий, сидевший посередине, стиснул зубы, снял с большого пальца нефритовый перстень и тяжело положил на землю.

— Я вот это ставлю!

Всё равно перстень был не его.

Увидев ярко-зелёный нефрит, Чан Яньдао сразу оживился.

— Хорошо. Снова кто больше.

Он взмахнул рукой. Кости упали — шесть.

Лица троих мгновенно вытянулись.

Чан Яньдао с улыбкой потянулся к перстню, но нищий, поставивший его, резко накрыл вещь ладонью.

— Господин, дайте шанс! Мы ещё даже не бросили. Так нечестно!

Чан Яньдао потянул перстень на себя. Нищий тут же просунул палец внутрь кольца и мёртвой хваткой вцепился в него. Двое остальных видели, как они перетягивают украшение, но не осмеливались вмешиваться.

— Отпусти. Не заставляй меня утруждаться.

Нищий словно не слышал и продолжал держать перстень.

Чан Яньдао склонил голову.

— Точно не отпустишь?

Не дожидаясь ответа, он резко дёрнул.

Зелёный перстень вырвался наружу, весь в крови. Внутри застряла половина оторванного пальца.

— А-а-а! А-а-а-а-а!

Нищий зажал искалеченную руку и заорал от боли. Двое его приятелей побледнели и крепко вцепились друг в друга.

Чан Яньдао даже не изменился в лице. Он небрежно встряхнул перстень, и половина пальца с влажным шлепком упала на землю.

Нищему уже было не до остального. Он на четвереньках подполз, поднял обрубок и стал пытаться приставить его обратно к руке.

Чан Яньдао вышел из переулка. На большой улице кипела жизнь, и крики за спиной мгновенно утонули в шуме. Он поправил доули, прикрывая глаза от яркого солнца, спросил дорогу и направился прямо к чайной Дэбао.

В чайной не было свободных мест. Над гайванями на восьмиместных столах поднимался пар, воздух был наполнен запахом чая. На сцене труппа уже приготовилась к представлению: музыкант легко перебирал струны, смычковый инструмент жалобно протянул ноту, барабанщик ритмично ударил по деревянным трещоткам, и раздался чистый бодрый стук.

Артист в ярком костюме мелкими шагами вышел на сцену. Длинные водяные рукава плавно взметнулись, алые губы раскрылись:

— Ах, повсюду цветы пурпуром и алым расцвели, но вся краса досталась разрушенным колодцам и обвалившимся стенам...

Голос был мягким и певучим, послевкусие мелодии будто ещё долго кружило под потолком. На самом проникновенном месте артист резко взмахнул рукавами, и зал взорвался одобрительными возгласами.

Служка лавировал между столами, подливая гостям чай из медного чайника. Чан Яньдао хлопнул его по плечу, но не успел открыть рот, как тот сказал:

— Братец, подождите немного, я сейчас найду вам свободное место.

Увидев, что служка собирается уйти, Чан Яньдао тут же удержал его.

— Я человека ищу. Где Ван Ци?

Служка указал направление и предупредил:

— Братец, осторожнее. Сегодня этот тиран проиграл деньги и сейчас злой как чёрт.

Чан Яньдао слегка улыбнулся.

— Ничего. Я его сейчас вообще дыхания лишу.

— А? Что?

Чан Яньдао быстро подошёл к Ван Ци. Тот как раз грыз грушу, и сок стекал по уголку рта. Заметив рядом человека, Ван Ци искоса взглянул на незнакомца.

— Ты кто? Свет мне загородил.

Чан Яньдао без церемоний сел рядом и расплылся в улыбке.

— Добрый старший брат, как же вы меня забыли? Тогда ещё те деньги...

Он налил себе чай, но выпить не успел: Ван Ци выхватил чашку и одним глотком осушил.

— Чёрт возьми, не напоминай мне про деньги!

— А я долг вернуть пришёл.

— Что?

— В прошлый раз младший брат ужасно проигрался и занял у вас пятьдесят лянов. Неужели забыли?

Ван Ци сначала опешил, а затем поспешно закивал.

— Точно, точно... Было такое. Совсем заработался в эти дни и забыл. Братец, да ты человек честнейший! Другой давно бы сбежал. — Он оглядел Чан Яньдао с ног до головы. — Ну... серебро принёс?

— Я бы и рад, да столько серебра на себе не утащишь. И людей кругом полно... — Чан Яньдао нарочно понизил голос и таинственно продолжил: — Давайте лучше к вам домой. Вы меня отведёте, а я потом непременно доставлю серебро прямо в усадьбу.

Глаза Ван Ци загорелись. Он поспешно закивал, схватил Чан Яньдао и потащил наружу.

Они чуть ли не бегом мчались по улице, а Чан Яньдао как бы между прочим спросил:

— Мы вот так внезапно заявимся... вашего почтенного отца не потревожим?